

Н.С. РЯБИНСКАЯ

РЕЧЬ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

Целью дискурсивного анализа является выявление социального контекста, стоящего за устной или письменной речью, исследование взаимосвязи между языком и социальными процессами. Трактовка языка как дискурса включает отношение к нему как к форме социального действия, непосредственным образом укорененного в социальных условиях его реализации [1]. На формирование такого взгляда оказал воздействие ряд теоретических направлений в лингвистике, философии, антропологии, социологии. Одно из центральных мест среди них занимает теория речевых актов, созданная Дж. Остином в начале 1950-х годов прошлого века и получившая развитие в трудах Дж. Серля. В данной теории язык рассматривается не как совокупность универсальных либо постоянно переопределяемых смыслов, но как область действий, посредством которых люди в повседневной практике влияют на поведение, мысли и эмоции окружающих. При этом подчеркивается тесная взаимосвязь между действиями, осуществляемыми посредством слов, и социальным контекстом употребления последних.

Речевой акт

Теория речевых актов возникла в русле аналитической философии. Характерной чертой данного направления являлся интерес к языку, попытка ответить на вопросы о том, что есть язык, какова его связь с объектами мира, что представляет собой значение слова. М. Фреге, Б. Рассел, ранний Л. Витгенштейн были убеждены, что понимание структуры языка может пролить свет на природу действительности; они развивали так называемую референциональную теорию значения. Трактую язык как «проективное изображение» реальности, они считали, что существует целый ряд слов, так называемых «простых символов», значение которых сводится к референции — указанию на объект. Предложения, включающие эти слова, могут быть истинными или ложными в зависимости от их соответствия или несоответствия фактам действительности.

Дж. Остин оспорил тезис о том, что предложение может только «описывать» положение вещей или «утверждать нечто о каком-то факте» и быть либо истинным, либо ложным. Он показал, что упот-

Рябинская Наталья Сергеевна — стажер-исследователь Института социологии РАН. Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5. Телефон: (095) 120–82–57. Факс: (095) 719–07–40. Электронная почта: ryabinska@yahoo.co.uk

ребляемые нами фразы часто имеют совершенно иное назначение: мы можем отдавать приказы, приносить извинения, давать обещания, выдвигать предположения, предупреждать кого-то, порицать, приветствовать — словом, использовать язык для совершения разнообразных действий [2]. Такие высказывания-действия (например, «Вы уволены», «Собрание откладывается», «Завещаю наручные часы старшему брату») Дж. Остин назвал перформативами. Их отличительными чертами является то, что они не могут быть ни истинными, ни ложными; кроме того, подобные высказывания не описывают наши действия и не утверждают, что мы что-то делаем; самим актом их произнесения мы производим действия. Например, поблагодарить кого-то и означает произнести слова благодарности, открыть собрание и означает произнести: «Объявляю собрание открытым», предупредить об опасности — сказать или написать нечто наподобие: «Осторожно, высокое напряжение!»

Иллокутивный акт: интенциональный и конвенциональный аспекты

Для Дж. Серля, продолжателя идей Остина, теория речевых актов была в первую очередь теорией значения. Серль сосредоточил основное внимание на одном из трех уровней речевого акта — «иллокутивном акте». *Иллокутивный акт* — это действие, которое мы совершаем посредством произнесения некоторой фразы (мы можем убеждать кого-то, просить, обвинять, наставлять), его следует отличать от *локутивного акта* — самого по себе произнесения некоторых звуков или записи некоторых значков на бумаге — и *перлокутивного акта* — воздействия нашего высказывания на действия, мысли или эмоции слушающих (наше высказывание может убедить/не убедить собеседника, заставить его сделать что-то либо вызвать у него раздражение или скуку и т. п.). Серль считал, что основное назначение языка не в описании объектов действительности, а в осуществлении целенаправленных действий; поэтому в поиске ответа на вопрос: «Что есть значение?», он перешел с уровня отдельного слова на уровень единицы общения, с помощью которой и осуществляется отдельное действие, то есть на уровень иллокутивного акта [3]. Это стало важным шагом в рамках функционального подхода к анализу языковых феноменов и позволило рассматривать высказывания не в терминах истины/лжи, а в терминах интенций и конвенций.

Если иллокутивный акт является интенциональным действием, то для понимания соответствующего высказывания необходимо привлечь понятие намерения говорящего. Тогда вопрос о значении можно переформулировать так: «Что имел в виду говорящий, употребляя данное высказывание?» Ответом на этот вопрос у Серля служит заимствованная им у П. Грайса трактовка понятия «значение»: сказать, что *A* что-то имел в виду под *x* (*A meant something by x*) — значит сказать, что «употребив выражение *x*, *A* намеревался оказать этим опре-

деленное воздействие на слушающих, которые опознают это намерение» [4].

Для совершения интенционального действия посредством произнесения некоторых звуков недостаточно одного только намерения осуществить это действие. Серль присовокупляет к интенциональному аспекту значения также и конвенциональный аспект: необходимо воспользоваться именно теми словами и выражениями, которые обычно используются для осуществления таких воздействий. «Скажите “Здесь холодно”, имея в виду “Здесь тепло”», — озадачивает читателя в своих «Философских высказываниях» Л. Витгенштейн [5]. Причина, по которой этого сделать нельзя, заключается в том, что в случае неадекватного и расходящегося с конвенцией использования языка намерение говорящего не имеет шанса быть распознанным слушающим.

Таким образом, возможность осуществления действий при помощи слов — вопрос не только интенций, но и конвенций. Значение произносимого высказывания и характер совершаемого посредством него действия определяется, во-первых, тем, с каким намерением употребляет говорящий это высказывание, и, во-вторых, тем, каковы конвенции употребления языка для осуществления именно этого типа намерений.

Значение и контекст

Конвенциональный аспект иллокутивного акта имеет еще одно измерение. Значение высказывания — функция многих «конвенциональных переменных», в их число входят не только языковые средства, используемые для его построения, но и тот контекст, в котором оно употребляется. Только в соответствующей ситуации, в соответствующих условиях произносимые нами фразы могут быть восприняты в том смысле, который нами подразумевается, и быть эффективными для совершения задуманных нами действий. Например, для того, чтобы имела силу фраза «Объявляю вас мужем и женой», необходимо, чтобы она как минимум была произнесена в ситуации бракосочетания; мы не осуществим никакого приказа с помощью слов «Подготовьте на завтра ваш отчет», если адресуем их своему начальнику; бессмысленно просить кондуктора проверить билеты, если очевидно, что он и так это сделает. Иными словами, для того чтобы последовательность звуков была воспринята окружающими как предупреждение, обещание, совет, просьба, необходимо существование в этом обществе некоторых конвенций употребления, или правил. Серль называет их «конститутивными правилами» и придает им столь большое значение, что определяет иллокутивные акты как акты, осуществляемые в соответствии с конститутивными правилами. Он считает, что для каждой из разновидностей речевых актов: обещаний, советов, приказаний — может быть составлен свой перечень таких правил. В случае если все правила из данного перечня выполняются для неко-

того конкретного словоупотребления, у нас есть веские основания для отнесения высказывания к иллокутивным актам именно этого типа. Так, например, для иллокутивного акта просьбы можно перечислить следующие правила:

(1) *Правило пропозиционального содержания*

Содержание высказывания *P* должно относиться к действию *X*, которое должно быть совершено слушающим.

(2) *Подготовительные правила:*

(а) слушающий способен выполнить действие *X*, и говорящий убежден в этом;

(б) для обоих участников интеракции очевидно, что слушающий не осуществил бы действие *X*, если его об этом не попросили.

(3) *Правило искренности*

Говорящий желает, чтобы действие *X* было совершено слушающим.

(4) *Существенное правило*

Произнесение высказывания *P* является попыткой побудить слушающего совершить действие *X*.

На первый взгляд, данный перечень достаточно полно представляет условия, которые должны быть выполнены, чтобы произнесение некоторой фразы было совершением акта просьбы. Например, исходя из него, можно показать, что вопрос «Не могли ли бы вы задержаться на минуту?» на самом деле является просьбой. Действительно, (1) содержание данного предложения преддицирует некоторый акт слушающему, и этот акт не относится к прошлому; (2) не вызывают сомнений подготовительные условия, то есть характеристики ситуации, при которой осуществление данной иллокуции имеет смысл; (3) произнесение указанного предложения на самом деле может расцениваться как намеренная попытка побудить слушающего нечто сделать.

Однако практика эмпирических исследований языка показывает, что наборы конститутивных правил Серля часто оказываются недостаточными для того, чтобы точно распознать тип иллокутивного акта, они не вмещают все многообразие связей между значением и контекстом. Так, на основании приведенного списка правил невозможно объяснить, почему упомянутый вопрос «Не могли ли бы вы задержаться на минуту?» может считаться не просьбой, а приказом, будучи употребленным по отношению к подчиненному (данный пример взят из [6]). В таком случае для понимания значения высказывания требуется привлечение более широких сведений о контексте.

Иллокутивная цель как основание классификации речевых актов. Показатели иллокутивной цели

Интенциональный аспект значения высказывания, употребляемого для совершения речевого действия, нашел выражение в предложении Серлем понятии *иллокутивной цели*. По Серлю, главное, чем один иллокутивный акт отличается от другого, это намерение, с кото-

рым говорящий произносит соответствующее высказывание. Например, при совершении акта обещания говорящий берет на себя обязательство совершить некоторое действие. Данный параметр был положен Серлем в основу предложенной им классификации иллокутивных актов. Иллокутивная цель — это установка на определенную ответную реакцию адресата, которая сообщается ему в высказывании.

Серль показал, что иллокутивные акты с одним и тем же содержанием могут иметь совершенно различные иллокутивные цели. Так произнесение следующих выражений:

- (1) Джон выйдет из комнаты?
- (2) Джон, выйди из комнаты!
- (3) Если Джон выйдет из комнаты, я тоже выйду

является в первом случае вопросом, во втором — просьбой или приказом, в третьем — гипотетическим выражением намерения. Это позволило ввести разграничение между общим содержанием предложения (упоминаемом им также как суждение, или пропозиция) и его иллокутивной целью (функцией). «О большом классе предложений, используемых для совершения иллокутивных актов, можно сказать в целях нашего анализа, что предложение имеет две (не обязательно отдельные) части — элемент, служащий показателем суждения, и средство, служащее показателем функции» [3, с. 216]. Этот тезис имел большую практическую важность для анализа речевых актов.

Показателями функции, то есть параметрами, позволяющими оценить, какой иллокутивный акт совершается при произнесении данного предложения, могут быть, по Серлю, наклонение глагола, интонационный контур, пунктуация, ударение. К ним относятся также множество так называемых перформативных глаголов; я могу указать на тип совершаемого мной иллокутивного действия, начав предложение с «я обещаю», «я предупреждаю», «я одобряю», «я соболезную».

Данный ряд содержит, безусловно, только самые элементарные показатели функции иллокутивного акта. Некоторые выводы, сделанные Дж. Остином в работе «Как совершать действия при помощи слов?», позволяют к ним добавить также наречия и наречные сочетания («возможно», «безусловно»); сопроводительную мимику, жесты, церемониальные невербальные действия; частицы: «поэтому» (ее употребление эквивалентно выражению «я делаю вывод, что»), «все-таки» (равно по силе «я настаиваю»), «хотя» (в некоторых случаях можно приравнять к «я допускаю, что»).

Необходимо отметить, что и Остин, и Серль признавали, что в ряде случаев понять, с какой целью употребляется высказывание, можно только на основании контекста. Например, как показывает Остин, слова «Однажды я умру» или «Я завещаю Вам свои часы» по-разному понимаются нами в зависимости от состояния здоровья говорящего.

Типы речевых актов

Первая классификация речевых актов была предложена создателем теории речевых актов Дж. Остином. Позднее Дж. Серль предложил собственную классификацию. В качестве основания для нее он выбрал иллокутивную цель и вытекающие из нее понятия: направленные приспособления и выражаемые условия искренности.

Перечислим классы речевых актов, выделенные Серлем [7]. Это, во-первых, *репрезентативы* — высказывания, направленные на то, чтобы зафиксировать (в различной степени) ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения. Сюда относится широкий спектр высказываний от гипотетического утверждения до клятвы, содержащих такие несхожие глаголы, как «хвалиться», «жаловаться», «выводить», «заключать». Репрезентативы — единственный класс высказываний, укладывающийся в противопоставление «истинно — ложно». Самый простой тест для их выявления — попытка буквально оценить высказывание (кроме прочего) как истинное или ложное.

Следующий класс речевых актов — это *директивы*. Их иллокутивная направленность состоит в стремлении говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил. Акты этого класса часто можно определить по наличию таких глаголов, как «спрашивать», «приказывать», «командовать», «просить», «умолять», «заклинать», «приглашать», «советовать» и т. д.

Еще один класс речевых актов — *комиссивы*. Серль определяет их как иллокутивные акты, направленные на то, чтобы возложить уже не на слушающего, а на говорящего обязанность совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии поведения. К данному классу относятся различного рода обещания и клятвы. Сюда не следует однозначно относить те акты, которые содержат глаголы *intend* — «намереваться» и *shall* — «должен (буду)». По мнению Серля, данные глаголы вообще не являются перформативными. Например, сказать «я намереваюсь» не значит «намереваться», а значит только «выразить намерение».

Предпоследний класс в таксономии Серля — это *экспрессивы*. Их иллокутивная цель — выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания. Характерные глаголы для экспрессивов: «благодарить», «поздравлять», «сочувствовать», «извиняться», «сожалеть», «приветствовать». Пропозициональное содержание высказываний данного класса должно приписывать некоторое свойство (не обязательно действие) говорящему либо слушающему. Например, вы можете поздравить человека с тем, что он выиграл на скачках, или с тем, что он хорошо выглядит, можете сожалеть, что вам не удастся встретиться с ним через час, но было бы бессмыслицей поздравлять собеседника с открытием ньютоновского первого закона движения.

Декларации — это такие речевые акты, результатом которых является осуществление представленных в их пропозициональном содержании положения дел. Здесь «говорение конституирует факт». Примеров деклараций множество: «Отлучаю вас», «Ухожу в отставку», «Объявляю военное положение», «Вы уволены», «Объявляю вас мужем и женой» и т. д.

Декларации занимают особое место в теории речевых актов. Именно их приводят в качестве примера того, как социальная реальность «творится» посредством языка: «Если я успешно осуществляю акт назначения вас председателем, вы становитесь председателем; если я успешно осуществляю акт выдвижения вас кандидатом, вы становитесь кандидатом; если я успешно произвожу акт объявления состояния войны, то начинается война; если я успешно осуществляю акт бракосочетания с вами, то вы связаны брачными узами» [7, с. 244].

Обратим внимание, что наиболее характерные примеры деклараций принадлежат к институциональному дискурсу:

Я нахожу вас виновным в предъявленном обвинении.

Я объявляю вас мужем и женой.

Я отлучаю вас от церкви.

Вы вне игры (употребленное арбитром во время состязаний).

Нетрудно заметить, что для успешного осуществления действий посредством высказываний подобного рода в большей мере, чем для иллюкутивов других типов, требуется выполнение следующих внеязыковых контекстуальных условий: (1) и говорящий, и слушающий должны занимать соответствующие социальные положения; (2) слова должны быть произнесены в рамках определенной институционально обусловленной ситуации; (3) форма фраз должна быть регламентирована институциональными рамками. Иными словами, действенность деклараций и их способность воплощать слова в реальность прочно укоренены в структуре социальных установлений. «Именно при наличии таких установлений, как церковь, закон, частная собственность, государство, и конкретного положения говорящего и слушающего в их рамках можно, собственно, отлучать от церкви, назначать на пост, передавать и завещать имущество, объявлять войну» [7, с. 245].

Классификация Серля, как и классификация Остина, имеет в своей основе иллюкутивно-перформативный критерий. Другие авторы — Дж. Линч, Т. Баллмер, В. Бренненштуль, Д.Г. Богушевич, У. Стайлз — предложили таксономии, основанные на иных критериях¹.

Представляет интерес предложение Т. Баллмера о построении типологии речевых актов на основании контекстных изменений, осуществляемых их посредством. Наиболее значительными группами контекстных изменений он считает «физические», ментальные, язы-

¹ Обзор классификаций речевых актов можно найти в [8].

ковые и социальные. В соответствии с этим выделяются речевые акты, которые действуют и осуществляют изменения преимущественно на каком-нибудь одном уровне. Типология выглядит следующим образом:

— изменения в «физическом» контексте: устная речь (повторить, воспроизвести, сказать), письменная (записать, зарегистрировать), состояние дел (желать, планировать);

— изменения в ментальном контексте: представления (информировать, сообщать, продемонстрировать, убедить, спросить), оппозиция (предсказывать, предвещать), внимание (подчеркивать, указывать), эмоциональные состояния ego (проклинать, сокрушаться), эмоциональные состояния alter (язвить, высмеивать), обязательства (приказывать, гарантировать), неуверенность (проверять, сомневаться, угадывать), память (напоминать, вспоминать), сфера концептуализации (классифицировать, упорядочивать);

— изменения социальных состояний: внутриинституциональные (назначать, увольнять, благословлять, защищать), индивидуально-публичные (благодарить, признавать, хвалить), относящиеся к существованию институтов (аннулировать, основывать, устанавливать);

— изменения в языковом контексте: способ выражения (расшифровывать, переводить, реферировать), значение (определять, интерпретировать), референция (называть, указывать), фаза в развитии дискурса (начинать, предполагать), речевой ход (вмешиваться, прерывать), тема (развивать, упоминать, затрагивать) [9].

Данный принцип классификации созвучен выводу, сделанному Н.К. Рябцевой. Она считает, что следует выделить категорию перформативов, являющихся «ментальными», и отличать ее от так называемых «социальных перформативов», описанных Дж. Серлем и Дж. Остином. Если иллокутивная цель первых — изменения ментального пространства, то назначение вторых — изменения пространства социального. Примерами глаголов, выполняющих функции ментальных перформативов, являются: «обратимся (к)», «проанализируем», «проследим», «предполагается», «представим», «перейдем (к)». Если социальные перформативы равносильны поступку, то ментальные — шагу в рассуждении. В основании первых лежит социально значимое действие, тогда как в основании вторых — «ментально» значимое действие, интеллектуальная операция, новое ментальное состояние [10]. По Рябцевой, социальные перформативы актуальны только в момент их произнесения, тогда как ментальные — также и в момент воспроизведения рассуждения. С этим трудно согласиться полностью. С одной стороны, действительно, говоря «Собрание откладывается», мы совершаем однократное действие, тогда как с помощью фразы «Выберем второй путь анализа» ментальное действие осуществляется с каждым следующим прочтением текста. Однако директивы «По газонам не ходить», «Просим сохранять тишину», написанные на табличках в общественных местах, хотя и являются со-

циальными перформативами, выполняют свою иллокутивную функцию также многократно. Это касается и многих других речевых действий, встречающихся в письменных текстах; к иллокутивам «многократного действия» можно отнести, к примеру, проверочные вопросы в учебниках и оценочные высказывания в рекламных объявлениях.

Косвенные речевые акты

Иногда люди предпочитают не сообщать о своих коммуникативных намерениях прямо, но делают это в косвенной форме. В этих случаях они осуществляют одно (задуманное ими) речевое действие, воспользовавшись другим. Например, задавая вопрос и тем самым будто бы ожидая от слушателя предоставления нам какой-то информации, мы можем на самом деле обращаться к нему с просьбой и тем самым побуждать его совершить какое-то действие. Характерные примеры — вопросы вида:

- (1) *Вы не могли бы закрыть окно?*
- (2) *Могу я попросить вас передать мне соль?*
- (3) *Ты не одолжишь мне свой конспект?*

Прояснить реальную цель высказывания в ряде случаев помогает его содержание. Например, во всех приведенных примерах речь идет о некотором будущем действии, совершение которого предсказывается слушающему, что характерно для директив (просьб, приказаний и т. п.). Однако иногда иллокутивная цель косвенного речевого акта менее очевидна и не связана непосредственно с содержанием высказывания, как, например, в косвенных директивах вида:

- (4) *Здесь становится прохладно* (может интерпретироваться как просьба закрыть окно).
- (5) *Бар закрывается через 10 минут* (просьба к посетителям поторопиться сделать последний заказ).

Форма высказываний, употребляемых в косвенных речевых актах, может быть более или менее конвенциональной. Так, употребление вопросительных предложений типа (1) – (3) в косвенных директивах общепринято, поэтому распознать их не представляет особого труда [11]. Сложнее обстоит дело с примерами (4), (5), где для определения истинной иллокутивной цели необходимо знать контекст употребления, который может включать со-текст, параметры ситуации и более широкий социокультурный контекст.

Существенным подспорьем в интерпретации косвенных речевых актов являются коммуникативные правила речевого общения, сформулированные П. Грайсом. Согласно Грайсу, в своем речевом поведении люди следуют четырем универсальным правилам (максимум) коммуникации, вытекающим из обязательного для любого коммуниканта «принципа кооперации», это: (1) максима полноты информации; (2) максима качества («Говори правду!»); (3) максима релевантности («Не отклоняйся от темы!»); (4) максима манеры («Говори ясно, коротко и последовательно!») [12]. В ряде случаев коммуниканты,

с точки зрения эксплицитных смыслов, нарушают эти максимы. Как правило, это именно те случаи, когда говорящий вуалирует истинную цель своего речевого действия и заинтересован в косвенном способе ее выражения. Так ребенок, указывающий в магазине игрушек на плюшевого зайца с вопросом «Что это?», нарушает максиму полноты информации, поскольку очевидно, что ответ хорошо ему известен. Данный вопрос может служить сигналом бабушке, что ребенку хочется такую игрушку и он просит ее купить.

Речевые акты в анализе дискурса

Теория речевых актов является одним из «идейных источников» дискурс-анализа. По словам Деборы Шиффрин, одного из ведущих теоретиков в этой области, «фокусируясь главным образом на значении высказываний как действий, теория речевых актов предлагает подход к дискурс-анализу, в котором то, что сказано [или написано], делится (или сегментируется) на элементы, обладающие коммуникативными функциями, которые могут быть идентифицированы и присвоены им [этим элементам]» [13].

Теория дискурс-анализа нашла практическое применение главным образом в следующих областях.

Анализ межкультурной коммуникации; конфликты и непонимание, в основе которых лежат разные культурные конвенции относительно правил производства речевых актов одного и того же или сходного типа. Различия в формулировке, интонационном контуре, громкости речи, мимике, сопровождающих в разных культурах производство данного речевого акта, как и различия в предварительных условиях его осуществления, могут привести к тому, что говорящий будет оценен как бесцеремонный и невежливый, не соответствующий занимаемому положению либо занимающий иную (по сравнению с действительной) социальную позицию (см., например, [14–16]);

Анализ институционального дискурса, трактуемого достаточно широко, начиная с дискурса организаций, дискурса судебного разбирательства и врачебного приема до так называемого «официального дискурса»: текстов парламентских заседаний, проповедей, лекций, материалов СМИ. В данной сфере активно используется положение о том, что для ряда речевых актов в состав их конститутивных правил входит определенное соотношение социальных позиций коммуникантов. К речевым действиям подобного рода, получившим название «манипулятивных», относятся приказы, требования, просьбы, предписания, запреты, некоторые разновидности вопросов и др. [17]. Такие речевые акты позиционируют определенным образом и отправителя, и получателя сообщений. Их присутствие в письменной или устной речи является характерной чертой так называемого «манипулятивного дискурса», которому уделяется особое внимание в направлении, определяемом как «критический анализ дискурса». По мнению его представителей (Н. Фейрклау, Р. Фуллер, Т. Ван Дейк), манипуля-

тивные речевые акты могут служить показателями отношений социального неравенства и субординации коммуникантов, причем конкретная их формулировка варьируется в зависимости от иерархических позиций участников интеракции [18–21];

Анализ социализации детей в процессе освоения речи. Интеракции взрослый — ребенок исследуются здесь под углом зрения интернализации ребенком структуры социальных отношений и собственной позиции в ней в ходе приобретения языковой компетенции. Отмечается, что ребенок, осваивая речь, очень быстро начинает ориентироваться, по отношению к кому (знакомые и незнакомые взрослые, сверстники, младшие дети) и в каких ситуациях применимы те или другие речевые акты, предусматривающие неравенство социальных позиций («Купи мне, пожалуйста, машинку!», «Не трогай!», «Это мой мяч!»). Во многих случаях ребенок сам является объектом стратификационных речевых практик: («Не стучи по столу», «Тише! Бабушка спит», «Ты вымыл руки?»). Это имеет важные последствия, когда ребенок попадает в детский сад или иное учреждение, где безличные бюрократические практики в некоторой мере воспроизводят специфические аспекты более широкой системы социальной стратификации [22, 23].

Следует отметить, что при анализе естественной речи (а не отдельных, вырванных из контекста либо изобретенных исследователем примеров) инструментарий теории речевых актов, не дополненный другими исследовательскими средствами, используется крайне редко. Это обусловлено тем, что теория Серля и Остина, изначально не претендовавшая на создание концептуального аппарата прагматики, обнаруживает ряд слабых мест. В литературе [24, 25, 26] отмечаются следующие трудности.

Сложность сегментации речевого потока на единицы, соответствующие речевым актам. Речевые акты не всегда определены на уровне отдельных высказываний, иногда функции намеренных речевых действий могут быть приписаны более мелким, чем высказывание (части предложения), либо более крупным (несколько предложений) сегментам дискурса (см. предложенное Т. Ван Дейком понятие «макроречевого акта» [27, с. 37]).

Множественность функций одного высказывания. В реальном общении с помощью одного высказывания говорящий может осуществлять не одно, а сразу несколько действий.

Неполнота таксономий речевых актов. Как правило, эти таксономии оставляют «за кадром» речевые действия, связанные с «организационным аспектом» интеракций. Примером таких речевых действий могут быть реплики, служащие для инициации разговора или переключения его тематики, или короткие фразы, с помощью которых участники диалога выражают интерес и готовность продолжать слушание.

Недостаточность определения направленности речевых актов в терминах намерений исключительно говорящего. «Человеческое общение является взаимодействием в более фундаментальном смысле, нежели это представлено в теории речевых актов, согласно которой двое или более собеседников поочередно адресуют друг другу некоторые речевые акты, определяемые исключительно в терминах намерений говорящего» [24, с. 255]. В реальном диалоге значение реплик может быть объектом неготиации, выкристаллизовываться в процессе интеракции или даже быть различным для каждого из коммуникантов. Последнее может объясняться рядом причин, от нежелания коммуниканта принять трактовку собеседника до недостаточности общих значений у участников диалога, обусловленной их социокультурными различиями. Некоторые современные исследователи предлагают еще более антиперсоналистский взгляд на проблему; по их мнению, интенции говорящего по сути дела обуславливаются конвенционализированными интерпретациями, которые ассоциируются с конкретными шагами в тех или иных ситуациях языкового общения [28].

Ограниченность трактовки контекста в теории речевых актов. Для определения иллокутивной цели и типа речевого акта часто требуется привлечение более широких, чем это определено конститутивными правилами, сведений о контексте (данное верно не только для косвенных речевых актов). Значение высказывания частично извлекается из реплик, предшествующих ему, и оно само изменяет контекст последующих высказываний. В ряде случаев для определения этого значения необходимо знать также, каковы институциональные рамки ситуации общения; является ли оно формальным/неформальным, подготовленным/неподготовленным, непосредственным/опосредованным и т. п.; кто участники и каковы их отношения в микро- и макросоциальном контексте, а также какими социально и культурно обусловленными правилами языкового поведения они руководствуются.

В силу перечисленных ограничений к анализу речевых действий в эмпирических исследованиях дискурса привлекается, помимо теории речевых актов, аппарат следующих теорий:

1) *социолингвистика*, отслеживающая социокультурную вариативность языковых конвенций (С. Эрвин-Трипп, В. Лабов, Дж. Гамперц);

2) *социопрагматика*, демонстрирующая, какой социальный смысл вкладывается в стратегии вежливости в различных коммуникациях (Дж. Лич, С. Левинсон);

3) *логика речевого общения* П. Грайса, дающая представление о коммуникативных нормах и их применении;

4) *конверсационный анализ (анализ разговора)*: (а) учитывающий «динамический» характер значения, то есть его обусловленность локальным состоянием диалога до и после рассматриваемого высказы-

вания; (б) показывающий, как значение сказанного доопределяется с помощью лингвистических и паралингвистических «ключей» — маркеров ситуации общения (стилежанровых особенностей речи; лексики; интонации; мимики; громкости, длительности и очередности говорения и т. п.), сигнализирующих, в каких узнаваемых поведенческих комплексах находятся коммуниканты, и, следовательно, какие интерпретативные схемы должны привлекаться для определения значения (Х. Сакс, Е. Щеглофф, Дж. Джефферсон).

ЛИТЕРАТУРА

1. The Discourse Reader / Ed. by A. Jaworsky, N. Coupland. London: Routledge, 1999.
2. *Остин Дж.* Избранное / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
3. *Серль Дж.* Что такое речевой акт? // Зарубежная лингвистика. II: Пер. с англ. / Общ. ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999.
4. *Grice H.P.* Meaning // *Philosophical Review*. 1957. Vol. 66. P. 377-388.
5. *Виттгенштейн Л.* Философские исследования // Виттгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Сост., вступит. статья, прим. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994.
6. *Nizka H.* Text Linguistic Models for the Study of Simultaneous Interpreting. Stockholm University, 1999. <<http://lisa.tolk.su.se/lic/LIC990329p5.htm>>
7. *Серль Дж.* Классификация иллокутивных актов // Зарубежная лингвистика. II: Пер. с англ. / Общ. ред. В.И. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999.
8. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. 2-е изд. М.: Институт языкознания РАН, 2002.
9. *Ballmer T.T.* Context Change and its Consequences for a Theory of Natural Language // Possibilities and Limitations of Pragmatic. Amsterdam, 1981.
10. *Рябцева Н.К.* Мысль как действие, или риторика рассуждения // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992.
11. *Searle J.* Indirect Speech Acts // *Syntax and Semantics*. Vol. 3: Speech Acts / Ed. by P. Cole, J. Morgan. N.Y.: Academic Press, 1975. P. 59-82.
12. *Грайс П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217-237.
13. *Shiffrin D.* Approaches to Discourse. Oxford: Blackwell, 1994.
14. *Wierzbicka A.* Different Cultures, Different Languages, Different Speech Acts // *Journal of Pragmatics*. Vol. 9. P. 145-163.
15. Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies. / Ed. by S. Blum-Kulka, J. House. Norwood, NJ: Ablex, 1989.
16. *Gumpertz J.* Discourse Strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
17. *Syntax and Semantics*. Vol. 3: Speech Acts / Ed. by P. Cole, J. Morgan. New York: Academic Press, 1975.

18. Language and Control / Ed. by R. Fowler, R. Hodge, G. Kress, et al. London: Routledge, 1979.
19. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press, 1992.
20. Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass Media Discourse and Communication / Ed. by T. van Dijk. Berlin: De Gruyter, 1985.
21. Wilson J. Politically Speaking: The Pragmatic Analysis of Political Language. Oxford: Blackwell, 1990.
22. Cicourel A. Interpretation and Reformulation: Issues in the Child's Acquisition of Social Structure // The Development of Social Understanding / Ed. by J. Gglick, K.A. Clarke-Stewart. New York: Gardner, 1978.
23. Sinclair J., Coulthard M. Towards an Analysis of Discourse: The English Used by Children and Pupils. London: Oxford University Press, 1975.
24. Франк Д. Семь грехов прагматики: Тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Зарубежная лингвистика. II: Пер. с англ. / Общ. ред. В.И. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999.
25. Blum-Kulka S. Discourse Pragmatics // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2 / Ed. by T. Van Dijk. London: Sage Publications, 1997.
26. Cicourel A. The Role of Cognitive-Linguistic Concepts in Understanding Everyday Social Interactions // Annual Review of Sociology. 1981. Vol. 7. P. 87-106.
27. Ван Дейк Т. Язык, познание, коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова; Под ред. В.И. Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989.
28. <www.geocities.com/anas_yasin/aw2.html>